

Против идеологии рыночного «ничего неделания»

Валерий БАЙНЕВ,
доктор экономических наук, профессор

Отгремели связанные с президентскими выборами баталии. Благодаря прагматичной мудрости белорусского народа, страна получила очередные пять лет для спокойного, созидательного развития. По сути дела, белорусы, почти единодушно проголосовав за А.Г. Лукашенко – последовательного сторонника активного госрегулирования экономики, с 1994 года уже пятый раз подряд решительно отвергли доктрину либеральной («свободной», нерегулируемой) рыночной экономики. Оно и понятно, ведь из опыта наших соседей уже многим ясно, что главная цель всякого рыночного реформаторства – «прихватизация», неизбежно ведущая к засилью мародеров-олигархов и их нескончаемой борьбе за передел собственности, то и дело перерастающей в разрушительные «цветные революции» и гражданские войны.

Белорусы постарше хорошо помнят начало «лихих 90-х», когда страна вместе с другими республиками СССР как в омут с головою бросилась в либерально-рыночные реформы. А вот тем, кто помоложе, будет уместно на основе статистических данных показать, к чему ведут попытки воплотить в жизнь внешне весьма привлекательные, заимствованные из заморских учебников идеи о чудотворном всесии раскрепощенной частной инициативы и свободных рынков.

Итак, за период энергичных рыночных реформ 1991–1995 годов, вплоть до того момента, когда избранный главой государства А.Г. Лукашенко решительно остановил в Беларуси затеянный над республиками

бывшего СССР либерально-рыночный эксперимент, произошли следующие характерные изменения:

- ВВП страны обрушился более чем на одну треть и в 1995 году составил 65,3 % по сравнению с 1990 годом;
- реальные денежные доходы населения уменьшились более чем в 1,5 раза – до 62,2 % от уровня 1990 года;
- производство потребительских товаров сократилось в 1,6 раза (табл. 1);
- розничный товарооборот обвалился в 2,6 раза;
- объем производства сельскохозяйственной продукции упал более чем на одну треть, то есть до 73,6 % от соответствующего объема 1990 года (табл. 1);
- инвестиции в основной капитал снизились почти втрое – до 38,5 % их объема в 1990 году;
- объем промышленного производства уменьшился более чем в 1,5 раза, составив 61,4 % от уровня 1990 года (табл. 1);
- инфляция за рассматриваемый период достигла астрономического значения 43 975 % [1, с. 43–44].

Даже либеральная газета «Белорусский рынок», которая по определению обязана ликовать по поводу начавшегося движения к свободному рынку, в то время была вынуждена фиксировать такие факты «рас-

ОБ АВТОРЕ

БАЙНЕВ Валерий Федорович.

Родился в 1966 году в г. Балхаш (Казахстан).

В 1992 году окончил Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева (г. Саранск, Россия).

В 1995–1998 годах – старший научный сотрудник научно-исследовательской части, старший преподаватель, доцент экономического факультета этого вуза. С 2000 года – доцент, профессор, заведующий кафедрой инновационного менеджмента экономического факультета БГУ. Доктор экономических наук (2000), профессор (2004).

Автор и соавтор более 250 научных и учебно-методических работ.

Сфера научных интересов: экономика энергетики, инновационная экономика, кредитно-денежная политика, экономика предприятия.

Наименование продукции	Объем производства		
	1990 г.	1995 г.	сокращение за период 1991–1995 гг., разы
Зерно, кг на душу населения	690	540	1,3
Молоко, кг на душу населения	732	497	1,5
Мясо (в убойном весе), кг на душу населения	116	64	1,8
Ткани всех видов, млн кв. м	511	233	2,2
Чулочно-носовые изделия, млн пар	175	55	3,2
Обувь, млн пар	47	13	3,6
Трикотажные изделия, млн шт.	169	39	4,3
Ковровые изделия, млн кв. м	21	4	4,9
Тракторы, шт.	100 700	28 000	3,6
Грузовые автомобили, шт.	42 000	12 900	3,3
Шины, тыс. шт.	4575	1292	3,5
Автобусы, шт.	999	62	16,1
Комбайны, шт.	9503	1069	8,9
Электродвигатели, тыс. шт.	1169	211	5,5
Металлорежущие станки, шт., в том числе с числовым программным управлением, шт.	15 500	4700	3,3
	1327	52	25,5

крепощения частной инициативы», как масштабное воровство железнодорожных рельс, массовое «раскулачивание» лифтов с целью добычи цветных металлов, бойкая торговля на рынках страны автоматами Калашникова по цене 400–550 долларов за штуку, самовольные захваты земли застройщиками, открытие подпольных банков, повсеместная остановка предприятий и т.п. [1, с. 9–23].

В других республиках бывшего СССР после его разрушения ситуация была не менее сложной. Например, на заседании Сейма Литвы в апреле 1995 года констатировалось более чем пятикратное – 17,7 % по сравнению с уровнем 1990 года – падение производства за первые пять лет ускоренного перехода к свободной рыночной экономике [2, с. 24]. Во многих странах бывшего СССР аналогичные экономические трудности усугубились кровопролитными межэтническими и даже межгосударственными конфликтами. По оценкам российского журнала «Эксперт», боевые действия в Фергане, Оше, Приднестровье,

Южной Осетии, Абхазии, Таджикистане, Чечне и т.д. унесли до 300 тыс. жизней, втрое больше людей были ранены, 5 млн человек стали беженцами [3]. Кровавая поступь либерально-рыночных реформ, когда боготворимая их идеологами конкуренция при определенных условиях перерастает в свою наиболее острую, энергичную фазу – вооруженную борьбу, к сожалению, проявила себя и в братской Украине.

Указанные негативные процессы традиционно принято объяснять не началом рыночных реформ, а распадом Советского Союза, приведшим к разрушению устоявшихся хозяйственных связей. Однако надо понимать, что указанная дезинтеграция единого народно-хозяйственного комплекса на множество конкурирующих экономических систем всех размеров и уровней составляет смысл, содержание и главную цель рыночных реформ. В связи с этим и сам распад СССР следует считать всего лишь неотъемлемым этапом, первым шагом на пути либерально-рыночных

◀ Таблица 1. Сокращение производства некоторых наиболее значимых видов продукции в Беларуси в период активных либерально-рыночных реформ 1991–1995 годов

Источник: составлена автором на основе данных: Белорусский путь / Под ред. О.В. Пролесковского и Л.Е. Криштаповича. – Минск: Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь, 2010. – С. 51–54.

реформ, нацеленных на создание конкурентной среды через дезинтеграцию экономики на всех ее уровнях и по всем направлениям.

К сожалению, несмотря на столь очевидные негативные последствия описанного выше реформаторства, идеология рыночного либерализма продолжает будоражить воображение не только наших потенциальных олигархов и выразителей их интересов из различных либеральных клубов и сообществ, но и некоторых «государственных мужей». Можно видеть, как и те, и другие не оставляют настойчивых попыток в том или ином виде (например, под внешне безобидной личиной идеологии «коллективного либерализма») подвести страну к исполнению десяти пресловутих требований-наставлений Вашингтонского консенсуса [4, с. 78], составляющих суть либерально-рыночной идеологии и путеводную нить для кардинальных рыночных реформ на постсоветском пространстве. И это несмотря на то, что такие реформы, по большому счету, противоречат белорусской Конституции, где слово рынок и производные от него термины вообще не встречаются, а речь однозначно идет о социальном государстве. Вот почему А.Г. Лукашенко в своей инаугурационной речи при вступлении в должность Президента Республики Беларусь 6 ноября 2015 года был вынужден жестко отреагировать на очевидно нарастающее давление со стороны отдельных поборников подобного реформирования, заявив буквально следующее: «Если кто-то за реформы, так вы же будьте честны и скажите, что надо: сломать политический строй, государственное устройство Беларуси, надо разделить-разрезать государственную народную собственность и раздать. Надо говорить откровенно: на эти нас толкают реформы и за эти реформы кое-кто в мире готов много заплатить» [5].

Что касается нуворишей, жаждущих «прихватизации» как упомянутой выше «раздачи государственной народной собственности», и их небескорыстных пособников, то тут все ясно без слов. А вот мотивы госчиновников, призывающих к тому, чтобы бросить штурвал управления национальной экономикой и предоставить ей полную рыночную свободу болтаться в штормящем из-за глобального кризиса

океане мировой экономики, требуют более пристального анализа. Часть из таких «государственных мужей» – наиболее нерадивых и бездарных, наивно полагают, что свободный рынок сам без какого-либо вмешательства государства в экономику способен решить любые наши проблемы, а значит, их – чиновников – ждет столь желанное рыночное «ничегонеделание». Они рассчитывают на то, что в условиях «чудотворной» рыночной экономики, которая якобы сумеет сама без их участия все наладить и обустроить, им останется лишь приятная обязанность собирать да распределять налоги, ни за что при этом не отвечая. Другие госчиновники, зачавшие в загранкомандировки в страны, где для нас в 1989 году были спроектированы те самые наставления Вашингтонского консенсуса, судя по всему, там и мотивируются на «продавливание» либерально-рыночных реформ здесь. Третьи, будучи связаны с глобальной олигархией национальными и родственными узами, помогают ей прокладывать путь к планетарному господству, действуя из «высших» соображений. И все вместе они, вероятно, очень надеются, что их чада и отпрыски, опираясь на административный ресурс родителей, все же сумеют поучаствовать в «прихватизации» и дальнейшем переделе национальной собственности. К счастью белорусов, далеко не все наши госчиновники являются приверженцами подобной либерально-рыночной идеологии...

Следует особо отметить: каждый, кто считает, будто идеология – это пережиток советского прошлого, глубоко заблуждается. Несмотря на декларирование того, что последняя четверть века в странах бывшего СССР была посвящена избавлению от «авторитаризма» и «идеологического засилья» в экономике и обществе, сегодня целенаправленное, масштабное воздействие на общественное сознание не стало слабее. Навязчиво-массированное использование терминов «демократия», «свободы и права человека», «рынок» там, где ранее использовались «коммунизм», «благополучие трудящихся», «план», свидетельствует лишь о смене идеологии, но не об отказе от нее. В связи с этим следует согласиться с мнением известного современного белорусского политэкономиста П.С. Лемещенко, считающего

«абсолютно неверным утверждение, что идеологии была подвержена только социалистическая (коммунистическая) система. Самая сверхлиберальная политико-экономическая система также пронизана общей идеей... Идеология – не какой-то инородный элемент экономики, от которого следует и можно избавиться. Идеология представляет собой внутренний компонент любой социально-экономической системы» [6, с. 146–147].

Справедливости ради все же следует признать – при всех своих изъянах советская (марксистско-ленинская) идеология в свое время сумела мобилизовать людей на беспрецедентные, буквально изумившие весь мир ратные и трудовые подвиги. Среди таких достижений не только наша Великая Победа, искусственный спутник Земли и первый полет в космос, но и вторая в мире по величине экономика, всеобщая грамотность, самая лучшая система образования, первые в мире лазер, синхрофазотрон, зонды на Луну, Марс, Венеру, луноход, ядерный реактор, атомная электростанция, атомный ледокол и т.д. Увы, пришедшая на смену марксизму-ленинизму идеология рыночного либерализма заставила нас напрочь забыть о подобных социально-экономических достижениях и научно-технических прорывах. Хуже того, отказ от советской идеологии в пользу прозападной либерально-рыночной де факто вверг весь бывший СССР с его тихим и скучным «застоем» в бурную череду нескончаемых кризисов, девальваций, дефолтов, инфляционных шоков, терактов, «цветных революций», гражданских войн и прочих неведомых нам ранее «радостей» всепобеждающего рыночного капитализма.

Таким образом, приходится признать, что воздействие идеологии на экономику и общество колоссально. Один из теоретиков классического либерализма австрийский экономист Людвиг фон Мизес справедливо писал об этом так: «Человеческим поведением руководят идеи. Все, что делают (и имеют. – В.Б.) люди, является результатом теорий, доктрин, убеждений и умонастроений» [7, с. 191]. Получается, все те нескончаемые проблемы, которые роковым образом преследуют постсоветские страны вот уже четверть века, – прямое следствие воплощения в жизнь новой, «дружески» импланти-

рованной нам Западом идеологии, с помощью которой тот избавился-таки от своего самого сильного конкурента в лице СССР. И в этом, кстати говоря, нет никакого заговора, ибо конкуренцию до сих пор никто не отменял, а побеждать в конкурентной борьбе, как известно, можно по-разному, в том числе и искусно затуманив своему противнику мозги.

В самом общем смысле идеология – это вся совокупность информации, которая используется для воздействия на массы людей с целью управления ими в интересах тех, кто организует указанное воздействие. В отличие от науки, стремящейся к познанию мира, идеология имеет совсем иную цель. Ее основная задача – сформировать у большого количества людей типовые, унифицированные представления о мире, которые делают предсказуемым, а следовательно, легко управляемым их поведение в стандартных ситуациях. С этой точки зрения идеология не является наукой. Однако, учитывая, что мы живем в эпоху массового преклонения людей перед достижениями научно-технического прогресса, современные светские идеологии стремятся облачаться в научные мантии. Для этого в качестве источников таких идеологий объявляются те или иные научные концепции, теории и школы, из которых, впрочем, берется далеко не все, а только то, что выгодно и может быть использовано для целенаправленного воздействия на людей и манипулирования ими.

Не конкуренция, а интеграция

Многие читатели постарше наверняка помнят, как им в рамках курса советской политэкономии приходилось изучать «три источника марксизма» (немецкая философия, английская политэкономия, французский утопический социализм), являвших собою его «научно-теоретический фундамент». Точно так же и пришедшая ему на смену доктрина рыночного либерализма в полном соответствии с пристрастием всякой другой идеологии облачаться в научные одежды опирается на ряд научных концепций и школ. При этом самой весомой «теоретической глыбой» в его фундаменте является социал-дарвинизм, объявляющий

источником развития характерный для дикой природы, а значит, естественный принцип конкурентной борьбы за средства существования: «Сильные пожирают слабых».

В основе самого социал-дарвинизма, как известно, лежит учение английского натуралиста Чарльза Дарвина об эволюции жизни, согласно которому прогресс от простейших микроорганизмов вплоть до приматов и человека реализовался благодаря их бескомпромиссной борьбе за средства существования и беспощадному естественному отбору (конкуренции) [8]. Для идеологии рыночного либерализма ценность данного учения заключается в том, что оно конкурентную борьбу, когда более сильные на рынках безжалостно уничтожают более слабых, позволяет объявить абсолютно естественным, предписанным самой природой процессом. Ведь согласно теории Ч. Дарвина, в дикой природе в результате именно такой борьбы, когда более сильные с аппетитом поедают слабейших, реализуется таинство естественного отбора и эволюции жизни на Земле.

Таким образом, животный принцип «взаимного пожирания», будучи перенесен в человеческое общество, стал «естественно-научной основой» представлений о рыночной конкуренции как о двигателе экономического развития. Получается, благодаря достижениям социал-дарвинизма, циничная формула древнеримского писателя Тита Плавта «Человек человеку волк» приобрела статус научно

обоснованного факта. Много позже один из наиболее последовательных сторонников социал-дарвинизма английский социолог Герберт Спенсер перевел на научный язык данную формулу следующим образом: «Универсальный закон природы состоит в том, что существо, недостаточно энергичное, чтобы бороться за свое существование, должно погибнуть». Еще более точно выразил глубинную мировоззренческую сущность современной идеологии либерально-рыночного индивидуализма немецкий философ Фридрих Ницше своим императивом «Падающего подтолкни!».

Логика идеологов рыночного либерализма предельно проста – если не вмешиваться в процесс «взаимного пожирания», то сильные постепенно уничтожат всех слабых, в итоге останутся одни только сильные, а это-де и есть развитие. Из этой логики непосредственно вытекают типовые рекомендации в духе Вашингтонского консенсуса – максимальное изгнание государства из экономики, его невмешательство в хозяйственную жизнь, приватизация, полная свобода торговли и бизнеса, экономическая открытость границ и т.д. Важно отметить, что данная «естественно-природная» логика не просто понятна, она, к сожалению, очень близка рядовому обывателю с его сугубо индивидуалистской философией «Каждый сам за себя!». Именно этим и объясняется тот факт, что идеология рыночного либерализма так легко овладела умами как рядовых граждан, так и большинства «государственных мужей» на просторах бывшего СССР и во всем мире, несмотря на столь очевидно негативные последствия ее реализации, описанные нами выше.

Есть у рыночного либерализма еще один характерный для любой другой идеологии признак – упрощение (вульгаризация) лежащих в ее основе научных концепций. Так, из учения того же Ч. Дарвина сторонники неограниченной рыночной свободы взяли не все, а только то, что им было выгодно для манипулирования людьми. Как известно, этот английский ученый значительную часть своей жизни посвятил изучению так называемых общественных инстинктов у животных [9, с. 67–89, 415, 421–422]. В частности, он отмечал, что большинство из них предпочитают спасаться от врагов, охотиться, мигрировать не поодиночке, а

стаями, стадами, косяками, роями и т.д. Им описаны множественные примеры, когда животные, следуя общественным инстинктам, демонстрируют не только взаимное пожирание, но коллективизм и взаимовыручку. Позже российским ученым П.А. Кропоткиным об этом была написана целая книга под говорящим само за себя названием «Взаимная помощь как фактор эволюции» [10].

Распространив результаты своих исследований об общественных инстинктах на человеческое общество, английский естествоиспытатель недвусмысленно указывал, что те нации, которые следуют главному принципу дикой природы, когда сильные в конкурентной борьбе уничтожают слабых, являются низшими, варварскими. А те народы, которые придерживаются принципа коллективизма и взаимопомощи, он называл высшими, цивилизованными. При этом Ч. Дарвин пришел к выводу, что варварские нации будут полностью зависимы от цивилизованных в силу того, что высшее, развитое всегда господствует над низшим, примитивным [9, с. 89–110, 421–422]. Разумеется, идеологи рыночного либерализма, проповедующие нам принцип свободной конкуренции как бескомпромиссной «войны всех со всеми», предпочли забыть об этом направлении исследований Ч. Дарвина. Это и понятно, ибо наличие общественных инстинктов даже у животных обесценивает стержневую идею либерально-рыночной доктрины развития о том, что конкуренция как «война всех со всеми» – главный двигатель прогресса человечества.

Тем не менее, если подняться над незамысловатым мировоззрением обывателя-индивидуалиста, сводящимся к «естественному» принципу «Своя рубашка ближе к телу!», то станет понятной поражающая сила идеологии рыночного либерализма. Дело в том, что неограниченная свобода всегда выгодна более сильным (олигархам-людям и олигархам-странам), которые при этом получают возможность беспрепятственно подчинять и уничтожать более слабых.

Именно это имел в виду президент США Авраам Линкольн – автор широко известного афоризма: «Овца и волк по-разному понимают слово «свобода». Данный афоризм, с одной стороны, позволяет доходчиво объяснить ту последовательную настойчивость, с которой сильные технологически

развитые державы рекламируют, навязывают, насаждают идеологию рыночного либерализма прочим, периферийным странам. В наши дни испытанный веками принцип господства «Разделяй и властвуй!» сильные мира сего воплощают в жизнь не огнем и мечом, а посредством внедрения в сознание людей «вируса» идеологии рыночного либерализма, призванного до предела разобщить, «атомизировать» нас, превратив в непримиримых врагов-конкурентов. При этом сами западные державы, лукаво пропагандируя периферийным странам варварские прелести конкурентно-рыночной войны, предпочитают действовать цивилизованно, то есть коллективно, на основе взаимопомощи и взаимовыручки решать свои проблемы в рамках G7, ОЭСР, ЕС и даже НАТО.

С другой стороны, приведенный выше афоризм помогает понять и то, почему эти самые периферийные страны, включая наши бывшие союзные республики, испытывают нескончаемые потрясения. Да иначе не может и быть, ибо слабые страны, сделавшись дешевыми источниками сырья и мозгов для сильных и к тому же сплоченных по принципу «волчьей стаи» держав, не могут не пребывать в хроническом, время от времени до предела обостряющемся кризисе.

Что интересно, о примитивности, неадекватности, бесперспективности идеологии рыночного либерализма открыто предупреждали и продолжают предупреждать видные представители западной цивилизации. Так, в свое время крупный немецкий экономист Вальтер Ойкен писал: «Свободное рыночное хозяйство – это грубо упрощенное, ничего не сообщающее об основных элементах хозяйственного порядка и о том способе, каким они соединяются в единое целое» [11, с. 79]. Современный известный финансист Джордж Сорос отождествил идеологию рыночного либерализма с фундаментализмом. В одной из своих книг он отметил: «Рыночный фундаментализм, предлагая ложное толкование природы функционирования рынков и незаслуженно отводя им доминирующую роль, сам того не желая, представляет угрозу... Его апологеты превыше всего ставят личную свободу, однако переоценивают преимущества рыночных механизмов. Так как рыночный фундаментализм в наши дни захватил гос-

подставляющие позиции, он представляет куда большую опасность, чем коммунизм или социализм» [12, с. 26–27]. Об ограниченности свободного рыночного механизма и необходимости целенаправленного управления развитием прямо говорится, например, в принятой в 2002 году промышленной стратегии Великобритании: «Взятый сам по себе рынок не способен обеспечить необходимые возможности инфраструктуры для британской промышленности... Британские корпорации вправе рассчитывать на систему планирования, которая является гибкой, предсказуемой и действенной, позволяющей им эффективно реализовывать возможности и планировать будущее» [13, с. 17].

Таким образом, навязываемая Западом периферийным странам идеология рыночного либерализма, дезинтегрирующая экономику и общество по всем направлениям, обеспечивает им зависимое от глобального центра, кризисное, периферийное развитие. Сами же технологически развитые страны, лукаво пропагандируя остально-

му миру звериные идеалы конкурентно-рыночной экономики, придерживаются принципиально иной, более совершенной доктрины развития. В ее основе лежит не конкуренция, а интеграция активов под контролем сверхкрупных транснациональных корпораций (ТНК) и сотрудничество в рамках мощных межгосударственных союзов типа ЕС. Страны бывшего СССР смогут вырваться из тисков зависимого, кризисного состояния только в том случае, если переориентируются на аналогичную интеграционную доктрину, решительно отбросив разрушительную идеологию конкурентно-рыночного либерализма и сделав ставку на кооперацию и взаимопомощь в рамках собственных ТНК и Евразийского экономического союза.

Разумеется, для этого придется отказаться от навязанной нам извне экономической научно-образовательной парадигмы, лукаво ориентирующей на безнадежно устаревшую (времен Адама Смита) модель низшего, примитивного капитализма конкурентно-рыночного типа, когда «все воюют со всеми». Сегодня нашей научно-образовательной системе жизненно важно переориентироваться на другую, современную, прогрессивную модель государственно-корпоративного капитализма, позволяющего объединять, кооперировать, взаимно дополнять ресурсы многих предприятий и даже стран во имя достижения общей победы на глобальных рынках [4]. Типичный пример подобного подхода – коллективное производство множеством фирм и стран ЕС авиалайнеров Airbus, достойно конкурирующих с продукцией столь же крупной американской корпорации Boeing. Если сегодня не осуществить указанной корректировки экономической научно-образовательной парадигмы, то народное хозяйство страны продолжит получать «специалистов», ориентированных на средневековые формы хозяйствования и конкурентной борьбы, то есть на рыночное «ничегонеделание». В этом случае всех нас ждет весьма печальный результат – пресловутый «поколенческий сдвиг» приведет не просто к упомянутому главой государства «слому политического строя и государственного устройства Беларуси», но к переходу нашей страны в разряд технологически отсталых (варварских, по Ч. Дарвину) государств. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Хроника несостоявшегося времени: Десять лет в зеркале «Белорусского рынка». – Минск: УП «Технопринт», 2001. – 336 с.
2. Белорусский путь / Под ред. О.В. Пролесковского и Л.Е. Криштаповича. – Минск: Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь, 2010. – 496 с.
3. Иванов, Н. Цена поражения / Н. Иванов // Эксперт. – 2011. – № 1 (784). – С. 3–10.
4. Байнев, В.Ф. Главное – не сбиться с курса! / В.Ф. Байнев // Белорусская думка. – 2015. – № 4. – С. 76–81.
5. За будущее независимой Беларуси: Выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на церемонии принесения Присяги // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.gov.by/uploads/documents/Vystuplenie-prisyaga.doc>. – Дата доступа: 30.11.2015 г.
6. Лемещенко, П.С. Институциональная экономика: теория, политика, практика: учеб. пособие / П.С. Лемещенко. – Минск: Мисанта, 2015. – 699 с.
7. Мизес, Л. Либерализм в классической традиции / Л. Мизес; пер. с англ. – М.: Социум; Экономика, 2001. – 239 с.
8. Дарвин, Ч. Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь / Ч. Дарвин. – СПб: Наука, 1991. – 455 с.
9. Дарвин, Ч. Происхождение человека и половой отбор / Ч. Дарвин; пер. с англ. проф. И. Семенова. – СПб: Типография И.Н. Скороходова, 1896. – 425 с.
10. Кропоткин, П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции / П.А. Кропоткин. – СПб, 1907. – 352 с.
11. Ойкен, В. Основы национальной экономики / В. Ойкен; пер. с нем. / Под общ. ред. В.С. Автономова, В.П. Гутника, К. Херрманн-Пиллата. – М.: Экономика, 1996. – 351 с.
12. Сорос, Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм / Дж. Сорос; пер. с англ. – М.: Некоммерческий фонд «Поддержки культуры, образования и новых информационных технологий», 2001. – 458 с.
13. The Government's Manufacturing Strategy / Department for Business, Innovation & Skills // Экономист. – 2002. – № 2. – С. 17–34.